

А.А. Балута, Ю.В. Коренева, О.В. Никитин
Московский государственный областной университет

РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ: НИЗАМЕТДИНОВА Н.Н. ВВЕДЕНИЕ В ЯЗЫКОЗНАНИЕ: УЧЕБНОЕ ПОСОБИЕ. М.: ИИУ МГОУ, 2015. 120 с.

Учебное пособие Н.Н. Низаметдиновой представляет тезисное, несложное и не всегда корректное изложение основ лингвистики. Уже в первом издании классической книги А.А. Реформатского «Введение в языкознание» (М., 1947) четко определялся ключевой вопрос одной из главных вузовских дисциплин, призванной *формировать* лингвистическое лицо студента, – «Вопрос о языке в истории культуры» (так назывался параграф 1, с. 5).

На наш взгляд, не следует давать установки на то, что имеющиеся учебные пособия по введению в языкознание сложны для самостоятельного изучения (с. 5), и пренебрегать достижениями лингвистики и традициями в области вузовской методологии.

В предисловии автор сообщает, что «пособие содержит необходимый минимум сведений по данной дисциплине, достаточный для выполнения студентами-заочниками контрольных заданий по этому предмету, а также подготовки к экзамену» (с. 5). Изложение теоретического материала, особенно по такой многоаспектной дисциплине, как введение в языкознание, должно быть шире и глубже обычного «решеника», написанного на уровне шпаргалки к экзамену. Намеренное упрощение теоретического материала приводит к снижению успеваемости и познавательной активности студентов, к диссоциации.

Обратимся к разбору конкретных глав и примеров.

Работа поделена на разделы в соответствии с уровневой структурой языка, поэтому наши замечания относятся к наиболее важным проблемным частям книги.

В главе 3 «Фонология» (с. 46–53) нет ни единого слова о научных открытиях в этой области Н.С. Трубецкого: отечественная фонологическая традиция никак не соотносена с тем научным и культурным прорывом в данной области, который осуществил ученый. Его идеи давно стали классическими и освещаются в регулярном вводном курсе по лингвистике. В образцовых лекциях по введению в языкознание А.Ф. Дружининой 1987 года, преподававшей этот курс в МОПИ имени Н.К. Крупской несколько десятилетий, всегда упоминалось о деятельности Н.С. Трубецкого как фонолога. Не говорим здесь о необходимости апелляции и к трудам Р.О. Якобсона. Судя по напечатанным тезисам с изложением идей Московской фонологической школы, автор не знаком с новыми архивными публикациями на тему истории создания и формирования МФШ, где главным идеологом и стратегом был вовсе не Р.И. Аванесов, а

В.Н. Сидоров (см.: Отцы и дети Московской лингвистической школы. М., 2004).

В п. 4.1 о развитии письма нет выхода в современность; к примеру, ничего не сказано о функционировании в новейшее время пиктографических элементов, что могло бы показать, как система языка «работает» в обществе, что такое язык как система взаимосвязанных элементов. Пособие не учитывает современных представлений и новых открытий в этой области (см.: Федорова Л.Л. История и теория письма: учеб. пособие. М., 2015; труды Ю.В. Кнорозова, И.М. Дьяконова, Вяч. Вс. Иванова, А.М. Молдована, В.Л. Янина и др.; статьи и публикации Л.Л. Федоровой в учебных энциклопедиях).

Глава 5 «Лексикология» максимально редуцирована. Позволим себе предположить, что такая краткость продиктована форматом пособия, но не включить в данный пункт описание семантических отношений единиц лексического уровня, хотя бы схематично, не дать основу лексикологической терминологии в указанной главе, что опять же связано с системностью языка, – по меньшей мере недальновидно. Удивительно, как автору удалось обойти в этом разделе понятие о самом главном в лексикологии: парадигматических свойствах слова, о видах лексической парадигматики и синтагматики хотя бы на самом начальном уровне, – и не показать, каким именно образом «язык состоит из слов».

Собственно, и начальный тезис раздела *Язык состоит из слов* (с. 64) является, видимо, оборванной цитатой из работы «Слова языка» Ф.Ф. Фортунатова: «Язык состоит из слов, которые, за исключением лишь некоторых, вступают между собою в сочетания в суждениях, в предложениях; поэтому в словах языка мы должны различать слова отдельные и слова в их сочетаниях в мышлении, а поэтому и в речи, в предложениях» (Фортунатов Ф.Ф. Слова языка // Фортунатов Ф.Ф. Избранные труды. Т. 1. М., 1956. С. 131). На фоне современных определений языка как *сложной системы систем единиц различных уровней в их взаимодействии* такая фраза бессмысленна. Видимо, автор все-таки хотел сказать студентам, что слово является основной единицей языка. Из определения слова не ясно, почему далее оно сравнивается только с фонемой. Морфема, как и слово, состоит из звуков и имеет значение: *под-, над-, сверх-, тель-* и др. Следовательно, автор должен был указать отличие слова не только от звука, но и от морфемы. На с. 65 даются определения *значения слова* и на той же странице через один абзац определение *лексического значения*.

Все наши частные замечания меркнут после ознакомления с центральным параграфом 5.4, в котором студенты должны узнать о типах лексических значений. По сути, весь раздел (с. 69–72) является прямым заимствованием тезисов § 8 учебника по лексикологии М.И. Фоминой (Современный русский язык. Лексикология: учеб. для филол. спец. вузов. М., 1990. С. 36–43), включая расположение материала, примеры и даже вводные и вставные конструкции и знаки препинания М.И. Фоминой. Ссылок на этот учебник в тексте нет, в списке литературы на с. 118–119 имя автора отсутствует. Трудно объяснить такую «стран-

ность» в издании, подготовленном доктором филологических наук Н.Н. Низаметдиновой. Этот факт сразу объясняет и нелогичность в композиции всего раздела, и рассогласованность в дефинициях, и отсутствие авторской методической мысли.

В прилагаемой ниже таблице приведем фрагменты некорректного цитирования текста, которые совпадают в двух книгах. Обращаем внимание и на тот факт, что даже состав и последовательность представленных ниже примеров могут свидетельствовать о вторичности рецензируемого текста.

Учебное пособие Н.Н. Низаметдиновой	Фомина М.И. Современный русский язык: Лексикология: учебник для филол. спец. вузов. 3-е изд., испр. и доп. М.: Высш. шк., 1990.
<p>С. 69.</p> <p>Лексическое значение слова, являясь элементом общезыковой системы, обладает достаточной самостоятельностью. Оно имеет собственно семантические, то есть присущие только ему специфические свойства, например разные способы номинации предметов, понятий, явлений, признаков по характеру соотношения с действительностью (прямое – не прямое, или переносное), по степени мотивированности (непроизводное – производное), по способам и возможностям лексической сочетаемости (свободное – несвободное), по характеру выполняемых функций (номинативные – экспрессивно-синонимические).</p> <p>По способу номинации, то есть по характеру связи значения слова с объективной действительностью, выделяются два типа лексических значений – прямое, или основное, и не прямое, или переносное. Прямым значение названо потому, что слово, обладающее им, прямо, непосредственно, отражает предмет (явление, действие, качество и т. д.). Прямое значение, выступающее в качестве устойчивой основы номинации предмета в определенный период языкового развития, называется также первичным. Непрямым (или переносным) значением слова называется такое значение, которое возникает на основе сравнений, ассоциаций и т. д., объединяющих один предмет с другим. Таким образом, переносное значение появляется в результате переноса наименования прямого (основного) обозначения предмета на новый предмет. Переносные значения являются частными, их называют также вторичными. Переносные значения, в свою очередь, могут быть подразделены на переносные с потухшей образностью (<i>нос корабля, крылья самолета</i>) и художественно-образные [...]</p>	<p>С. 36–37.</p> <p>Лексическое значение слова, являясь элементом общезыковой системы, тем не менее обладает достаточной самостоятельностью. Оно имеет собственно семантические, т. е. присущие только ему, специфические свойства, например разные способы номинации предметов, понятий, явлений, признаков по характеру соотношения с действительностью (прямое – не прямое, или переносное), по степени мотивированности (непроизводное – производное), по способам и возможностям лексической сочетаемости (свободные – несвободные), по характеру выполняемых функций (номинативные – экспрессивно-синонимические).</p> <p>По способу номинации, т. е. характеру связи значения слова с предметом объективной действительности, выделяются два типа лексических значений – прямое, или основное, и не прямое, или переносное. Прямым значение названо потому, что слово, обладающее им, прямо указывает на предмет (явление, действие, качество и т. д.) [...]. Прямое значение, выступающее в качестве основной, устойчивой основы номинации предмета в современный период языкового развития, называют также первичным [...].</p> <p>Непрямым (или переносным) называется такое значение слова, появление которого обусловлено возникновением сравнений, ассоциаций, объединяющих один предмет с другим. Переносное значение появляется в результате переноса наименования прямого (основного) обозначения предмета на новый предмет. Переносные значения являются частными, их называют вторичными. [...]</p> <p>С. 38. Переносные, в свою очередь, могут быть подразделены на переносные с потухшей образностью (<i>нос корабля, крылья самолета</i>) и переносно-образные [...]</p>
<p>С. 70.</p> <p>По степени лексической сочетаемости выделяются значения свободные и несвободные [...]. Например, к свободным относятся значения слов <i>голова, нос, глаз; стол, лепесток</i>, родник; <i>сказка, спор, удача</i> и многие другие. Однако «свобода» лексической сочетаемости подобных слов – понятие относительное, так как она ограничена их предметно-логическими отношениями. Так, исходя из предметно-логических связей, нельзя соединять слово <i>рука</i> со словами типа <i>веселая, умная, глубокая</i> и т. д.</p>	<p>С. 39.</p> <p>По возможности лексической сочетаемости, или виду синтагматических отношений между словами, выделяются значения свободные и несвободные. [...] Например, к свободным относятся значения слов <i>голова, нос, глаз; стол</i>, скатерть; <i>лепесток; сказка, спор, удача</i> и многие другие. [...] Однако «свобода» лексической сочетаемости – понятие относительное, ибо она ограничена предметно-логическими отношениями слов в языке. Так, исходя из предметно-логических связей [...], нельзя соединять слово <i>рука</i> со словами типа <i>веселая, умная, глубокая</i> и т. д.</p>

Учебное пособие Н.Н. Низаметдиновой	Фомина М.И. Современный русский язык: Лексикология: учебник для филол. спец. вузов. 3-е изд., испр. и доп. М.: Высш. шк., 1990.
С. 70. Среди лексически несвободных выделяются две группы значений слов: фразеологически связанные и синтаксически обусловленные с разновидностью – конструктивно ограниченных (или обусловленных) значений.	С. 40. Среди лексически несвободных выделяются две группы значений слов: фразеологически связанные и синтаксически обусловленные с разновидностью конструктивно ограниченных (или обусловленных).
С. 70-71. Связи слов в этих сочетаниях обусловлены не предметно-логическими отношениями, а внутренними закономерностями лексической системы языка. Так, у слова <i>крошечный</i> значение «полный, абсолютно беспросветный» проявляется лишь в сочетании со словами <i>ад</i> или <i>тьма</i> .	С. 40. Связи слов в этих сочетаниях обусловлены не предметно-логическими отношениями, а внутренними закономерностями лексической системы русского языка. [...] Так, у слова <i>крошечный</i> значение «полный, абсолютно беспросветный» проявляется лишь при условии его сочетания со словами <i>ад</i> или <i>тьма</i> .
С. 71. Синтаксически обусловленным называется такое переносное значение, которое появляется у слова только в предложении, например переносное значение слова <i>ворона</i> – «(разг.) нерасторопный, неловкий человек, ротозей, простофиля». <p>Разновидностью синтаксически обусловленных значений являются так называемые конструктивно ограниченные (или обусловленные) значения. К ним относятся значения, которые реализуются только в условиях определенной синтаксической конструкции. Например, у слова <i>мираж</i> основным является терминологическое значение – «оптическое явление». В конструкции с существительным в родительном падеже (в функции определения) это слово приобретает переносное значение – «обманчивый призрак, иллюзия, что-то созданное воображением»: <i>мираж любви</i>.</p>	С. 40-41. Синтаксически обусловленным называется такое переносное значение, которое появляется у слова при выполнении необычной для него функции в предложении (В.В. Виноградов называет такие значения слов «функционально-синтаксически обусловленными»). <p>Так, прямое значение слова <i>ворона</i> – «птица с черным или серым оперением, родственная ворону» реализуется в том случае... Переносное значение – «рассеянный, невнимательный человек» – развилось у слова <i>ворона</i> в процессе его использования в явно не характерной для имени существительного функции – сказуемого. [...]</p> <p>Разновидностью синтаксически обусловленных значений являются так называемые конструктивно ограниченные (или обусловленные) значения. К ним относятся такие, которые реализуются только в условиях определенной синтаксической конструкции [...]. Например, у слова <i>мираж</i> основным является терминологическое (физ.) значение – «оптическое явление». В конструкции с существительным в форме родительного падежа (в функции определения) это слово приобретает значение – «обманчивый призрак, иллюзия, что-то созданное воображением»: <i>мираж любви</i>.</p>
С. 71-72. Экспрессивно-синонимическими значениями называются такие, в которых основным является эмоционально-оценочный признак. Слова с таким значением возникли как добавочные экспрессивно-оценочные наименования уже существующих номинаций (например, <i>ахинея</i> , <i>вознестись</i> , <i>плестись</i> и т.д.). Данные слова существуют в языке самостоятельно и отражены в словарях, однако воспринимаются в сознании носителей языка по ассоциации с их номинативными синонимами (<i>ахинея</i> – глупость, <i>вознестись</i> – подняться, <i>плестись</i> – медленно идти).	С. 42. Экспрессивно-синонимическим называется такое значение, в котором основным является коннотативный, или эмоционально-оценочный, признак. Слова с таким значением возникли как добавочные экспрессивно-оценочные наименования уже существующих в языке номинаций с денотативным значением. [...] Например, каждое из приводимых выше слов в соответствующем контексте может быть заменено словом, обладающим экспрессивно-синонимическим значением: бессмысленность – <i>ахинея</i> , гордиться – <i>вознестись</i> , двигаться – <i>плестись</i> [...]. Слова с такими значениями существуют в языке самостоятельно и отражены в словарях, однако воспринимаются в сознании носителей языка по ассоциации с их номинативными синонимами. Так, [...] <i>вознестись</i> не только «гордиться», а «становиться особо гордым, высокомерным», <i>плестись</i> не просто «двигаться», а «особенно устало, медленно двигаться» и т. д.

Учебное пособие Н.Н. Низаметдиновой	Фомина М.И. Современный русский язык: Лексикология: учебник для филол. спец. вузов. 3-е изд., испр. и доп. М.: Высш. шк., 1990.
С. 72 (окончание раздела 5.4.). Итак, типология лексических значений опирается на три основных вида отношений: понятийно-предметную связь, отношения слов друг к другу и степень мотивированности значения. Выделение разных типов лексических значений помогает глубже разобраться в семантической структуре слова, то есть понять характер системных внутрисловных связей.	С. 43. Итак, типология лексических значений опирается на три основных вида отношений: понятийно-предметную связь (то, что составляет основу лексической парадигматики), отношения слов друг к другу (т. е. синтагматические отношения) и степень мотивированности значения (деривационные связи). Выделение разных типов лексических значений помогает глубже разобраться в семантической структуре слова, т. е. понять характер системных внутрисловных связей.

В лингвистической литературе учебного характера есть немало дефиниций, которые десятилетиями используются в научной и учебной практике и сохраняют свою актуальность до наших дней. В подразделе 5.6. «Фразеология» Н.Н. Низаметдинова без ссылок на источник предлагает *свое* определение термина *фразеологизм*: «Фразеологизм – это воспроизводимая единица языка, состоящая из двух или более слов, целостная по своему значению и устойчивая в своем составе и структуре». Эта дефиниция следует сразу за определением, данным академиком Н.М. Шанским, но ничего нового не вносит. Не говорится в данном разделе и о школе В.П. Жукова и А.В. Жукова и их разработках в этой области, а также об исследованиях В.М. Мокиенко, В.Н. Телия, ориентированных на учебную практику. Авторитетные теоретические находки и идеи этих ученых наряду с трудами Н.М. Шанского прочно вошли в современный вузовский стандарт.

В подразделе 6.2. «Морфемы и их типы» среди перечня морфем, существующих в языке как системе, отсутствует описание конфиксов, свойственных, к примеру, немецкому языку, и трансфиксов, организующих грамматическую и словообразовательную структуру семитских языков.

В подразделе 6.3. «Форма слова и словообразовательные модели» допущены фактические ошибки. Во-первых, автор данного пособия считает тождественными форму слова и словоформу: «**Формой слова, или словоформой, называется...**» (с. 92), следуя лишь одной из точек зрения на данный вопрос (подробнее об этом см.: Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990).

Во-вторых, на с. 93 некорректно с позиции современной грамматики трактуется способ выражения грамматической категории лица глагола: «*Я учусь в университете*. Грамматические значения 1 л. ед. ч. выражаются при помощи личного местоимения *я* и окончания *-у*, а грамматическое значение предл. п. выражается предлогом *в* и окончанием *-е*». Непонятно, причем здесь местоимение *я*. Оно не играет никакой роли. Опустим его: получится *учусь*. Академическая «Русская грамматика» прямо указывает, что «в изъяв. накл. формальное выражение наст. и буд. (простого и сложного) вр. связано с личными формами. Показателем значения 1, 2 или 3 л. служит флексия, одновременно имеющая значение ед. или мн. ч.» (Русская грамматика. Т. 1. М., 1980. § 1516. С. 634 и далее).

Опытным морфологам не раз приходилось исправлять в учебной и научной литературе ошибочность этой школьной, давно устаревшей позиции. «Признание того, что сочетания глаголов с личными местоимениями создают аналитическую форму лица, необходимо повлечет за собой целый ряд ошибочных представлений. <...> Местоимения же *я, ты, он* в предложении выполняют самостоятельную функцию, являясь подлежащими, не имеют признаков служебных слов и, следовательно, не образуют с глаголом единой аналитической формы» (Чеснокова Л.Д. Русский язык. Трудные случаи морфологического разбора: учеб пособие для студентов-филологов. М., 1991. С. 119–120). В современной практике преподавания грамматики совершенно недопустимо смешивать способы выражения морфологического и синтаксического 1-го лица (персональности). Эта **словоизменная** категория, ее глагольные формы лишь «в предложении согласуются с соответствующими формами местоимений» (Современный русский язык: учеб. для студ. вузов, обучающихся по спец. «Филология» / П.А. Лекант, Е.И. Диброва, Л.Л. Касаткин и др.; под ред. П.А. Леканта. 4-е изд., стер. М., 2007. С. 333).

В п. 6.4. «Способы выражения грамматических значений» при анализе внутренней флексии как такого способа автор данного пособия чрезмерно увлекается историей русского языка, рассказывая о позициях редуцированных, что не отвечает задачам дисциплины «Введение в языкознание», но если уж эта информация включена, то вызывает недоумение, почему автор ни слова не говорит об исторических основах таких грамматических чередований в других языках, прежде всего романо-германских, для которых аблаут и умлаут являются важнейшими характеристиками грамматического изменения слова.

На с. 100 в п. 6.6. «Морфологические процессы» Н.Н. Низаметдинова представляет морфологические процессы с позиции диахронии и указывает всего лишь два из пяти: переразложение и опрощение, то ли намеренно забывая, то ли по незнанию истории вопроса не включая в данный перечень еще три процесса, а именно: аналогию, агглютинацию и грамматизацию (подробнее об этом, например, см.: Жеребило Т.В. Словарь лингвистических терминов. Изд. 5-е, испр. и доп. Назрань, 2010), и не следует той терминологии, которая использована в первоисточнике (работы ученых Казанской лингвистической школы). Если продолжать тему трансформации морфемного

членения основы слова в его истории, то автор пособия не включил в данный перечень и процессы декорреляции и усложнения основы, которые, несомненно, должны были быть указаны в этой части.

Автор забыл в разделе грамматики, особенно там, где говорится о частях речи, осветить важную проблему переходности частей речи (субстантивация, адъективация, адвербиализация и прономинализация) и хотя бы бегло дать характеристику исторической изменяемости частей речи и их грамматических категорий, как это принято в регулярной вузовской практике (например, в лекциях доц. А.Ф. Дружининой, проф. Л.Ф. Копосова).

Пп. 6.8–6.9 («Грамматика: Синтаксис. Понятие о словосочетании и предложении. Типы синтаксических связей. Типы предложений») не показали способности автора сжимать информацию в логические блоки без потери теоретической глубины. «Необходимый минимум» стал примером упрощенчества за счет научности, т.е. полнейшим примитивизмом.

Начнем с определения основного термина раздела: «Синтаксис [...] – это 1) часть грамматического строя языка, которая охватывает словосочетания и предложения; 2) грамматическое учение о словосочетании и предложении» (с. 104). Несмотря на то что *основными* единицами традиционного синтаксиса действительно являются словосочетание и предложение (объекты изучения), само определение этого раздела грамматики (предмет изучения) намного шире своего объекта, и в вузе (и даже на заочном отделении) оно не может звучать так ограниченно, как во втором-четвертом классах начальной школы. Кроме основных единиц, синтаксис занимается структурой и семантикой многих других сочетаний слов и словосочетаний: фразем, фразеологических единиц, сверхфразовых единиц, синтагм, прямой и авторской речи, внесистемных сочетаний (например, вводных и вставных конструкций, обращений) и т.д. Мы не говорим уже о том, что основным объектом и предметом современного синтаксиса является *текст*. Это настолько очевидные факты современной повседневной науки, что они находят отражение в определениях учебников даже для 5 класса средней школы. Например: «Синтаксис – это раздел науки о языке, в котором изучаются *словосочетание, предложение, текст* (здесь и далее выделено нами. – А. Б., Ю. К., О. Н.), а также правила их построения» (Русский язык. 5 класс. Учебник для общеобразоват. учреждений. В 2 ч. Ч. 1 / [Т.А. Ладыженская, М.Т. Баранов, Л.А. Тростенцова и др.; науч. ред. Н.М. Шанский]. М., 2012. С. 56). И то, что в учебнике для пятиклассников вынесено в позицию дополнительного знания – «правила построения», – для студента-филолога является основным предметом изучения. Изучать синтаксис – это значит рассматривать именно способы соединения языковых единиц в более крупные, речевые, устанавливать законы их сочетаемости. Такое понимание отражено не только в специальных энциклопедических источниках, но и в нормативных толковых словарях, например у С.И. Ожегова: «Синтаксис, а, м. 1. Раздел грамматики – наука о *законах* соединения слов и о *строении* предложений. 2. Система языковых категорий, относящихся к соединениям слов и

строению предложений» (Ожегов С.И. Словарь русского языка. 22-е изд., стер. М., 1990. С. 716).

Блестящее определение синтаксиса, вполне приемлемое для нынешних заочников, дано еще в учебниках для абитуриентов и студентов-филологов прошлого века: «В современном понимании синтаксис – это раздел грамматики, в котором описываются *способы* соединения слов в словосочетания и предложения, *типы* словосочетаний и предложений, их значения, функции, а также характер и виды отношений между словами в словосочетании, между словами и словосочетаниями в предложении» (Современный русский литературный язык: учеб. пособие для студентов пед. ин-тов по спец. № 2116 «Рус. яз. и лит. в *нац<иональной>* школе / под ред. Н.М. Шанского. 2-е изд., перераб. Л., 1988. С. 516). Обратим внимание, как в одной дефиниции схематически для учащихся национальных школ пересказан весь раздел учебника, показан охват проблематики. Действительно, нельзя у взрослого филолога формировать представление, будто слова образуют только словосочетания, а в построении предложения участвуют только словосочетания.

На доступном и студенту, и преподавателю МГОУ электронном ресурсе www.znanium.com предложены несколько десятков учебников и учебных пособий по синтаксису. Вот где преподаватель может проявить себя как талантливый педагог, собрав всю современную научную информацию и, не умаляя научности, сжать ее в приемлемые для заочника краткие блоки информации, соответствующие возрасту обучающихся и компетенциям (ведь автор пособия Н.Н. Низаметдинова ссылается в предисловии на ФГОС новейшего поколения).

На с. 104 при описании типов синтаксической связи в словосочетании автор пособия также указывает лишь три типа связи, представленных в современном русском языке, и не вводит еще два типа, свойственные неиндоевропейским языкам, – изафет и инкорпорацию.

Н.Н. Низаметдиновой не сделано принципиального отличия между «сочетанием слов» и «словосочетанием», ни слова не сказано о формальной структуре (словосочетания простые и сложные), принципах выделения словосочетания из предложения. Не сказано даже в виде перечня примеров, что нельзя считать словосочетанием, кроме аналитических форм будущего времени глагола. Между тем нетвердое осознание, ЧТО есть словосочетание и КАК его выделить в тексте, – *основная* проблема всех студентов и школьников, быть может, более серьезная, чем классификация по типам подчинения.

В книге нет хотя бы в виде простого перечня примеров таких терминов, как свободные и несвободные словосочетания, фразеологические сочетания, «типизированные словосочетания» (В.В. Виноградов).

Мы не согласны с весьма неточным определением согласования, при котором «зависимое слово ставится в том же роде, числе и падеже» (с. 105). Этот лобовой тезис, особенно вызубренный наизусть, не позволяет квалифицировать как согласование такие словосочетания, как в *балетных школах* (нет категории рода), у *трех коллег* (у зависимой словоформы нет категории

рода и числа). Сравните: «Согласование – это подчинительная связь, которая выражается уподоблением формы зависимого слова форме господствующего слова в роде, числе и падеже (*новый дом*), либо в числе и падеже (*новые дома*), либо только в падеже (*дом-башня, ясли-новостройка*) и означает собственно определительные отношения» (Краткая русская грамматика / В.Н. Белоусов, И.И. Ковтунова, И.Н. Кручини-на и др.; под ред. Н.Ю. Шведовой и В.В. Лопати-на. М., 2002, § 345).

При характеристике управления речь идет только о глаголах в роли главного слова. Как в таком случае квалифицировать словосочетание «слабый духом», «талантлив в математике», «управление персоналом»?

В этой части раздела также *не указано*, что

- грамматическая связь словоформ в словосочетании выражается с помощью окончаний, предлогов и порядка слов;

- в словосочетаниях могут выражаться определительные, объектные, обстоятельственные отношения (программа подготовки к ЕГЭ);

- по характеру главного компонента словосочетания делятся на именные, глагольные, наречные и местоименные (программа 6-7 классов средней школы).

Определение термина *предложение* в рецензируемом пособии («грамматически оформленная по законам данного языка целостная единица речи, являющаяся главным средством формирования, выражения и сообщения мысли», с. 105) выглядит точно так же, как и в указанном учебном пособии под редакцией Н.М. Шанского (с. 529), и во многих других учебных и научных изданиях, с той лишь разницей, что перед ним или после следует указание на источник, а именно: Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. М., 1966. С. 347.

С немногочисленными примерами в этом параграфе тоже беда, хотя, казалось бы, что может быть проще для опытного преподавателя-филолога, чем подбор примеров из классики для таких понятий, как односоставное, двусоставное, распространенное (и т. д.) предложения. Однако и здесь нарушен важнейший принцип аутентичности текста, что для учебников и учебных пособий недопустимо, так как, во-первых, учит студента небрежности, во-вторых, искажает саму суть параграфа о предложении как *законченной по смыслу, интонационно и грамматически мысли* автора.

Итак, на стр. 108–109 приведены следующие иллюстрации:

Распространенные предложения: «По дороге зимней, скучной тройка борзая бежит...». У А.С. Пушкина: *По дороге зимней, скучной Тройка борзая бежит, Колокольчик однозвучный Утомительно гремит* (Пушкин А.С. Полное собрание сочинений: в 10 т. Т. 2. Л., 1977. С. 309). Указанный автором пособия пример, согласно принятому в МГОУ основному учебнику по современному русскому языку под ред. П.А. Леканта и в соответствии с академической «Русской грамматикой», не является примером *простого* предложения. Это несамостоятельная предикативная часть сложного бессоюзного предложения. **Двусоставные:** «Поэзия моя держава, я вечный подданный

ее». В этом примере М. Светлова отсутствует авторское тире в первой части сложного предложения. **Односоставные:** «Еду, еду в чистом поле...». Это сложное предложение из пушкинского стихотворения «Бесы» очень колоритно своей образностью: *Еду, еду в чистом поле; колокольчик дин-дин-дин...* Смысловая нагрузка приходится именно на вторую часть со сказуемым-звукоподражанием и на знаки (точку с запятой между частями – эмоциональная пауза; многоточие в конце бессоюзной конструкции – краски образа лирического героя, его страха, замирающей от ужаса и восторга души). Как можно разрушить форму такого стиха ради «односоставности»? Не повезло и Б.Л. Пастернаку. В его примере «исправлена» грамматическая ошибка: энергичная окказиональная трансформация великого поэта «открытЪя» заменена в рецензируемом пособии на «правильный» девербатив «открытИя».

Анализировать последнюю главу – седьмую (с. 110–117) о классификации языков – крайне сложно. В ней нет представления о многообразии языков мира, не приведены различные основания классификации языков, не освещена проблематика генеалогической классификации языков, не указана базовая теория А. Шлейхера, без которой представление о генеалогии языков нельзя сформировать. Дана только индоевропейская семья, при этом не мотивировано отсутствие в пособии других языковых семей; показана излишняя информация о прародине индоевропейцев, которая не обязательна в данной дисциплине, а базовые стандартные моменты, как то: развернутая генеалогическая классификация, четкая дифференциация в ней живых и мертвых языков (с. 114 – хеттский, например) – не освещены. Не включены в пособие структурные классификации языков по фонетическим, синтаксическим и лексическим основаниям, приведена только морфологическая классификация.

В данной работе отсутствует раздел о теориях происхождения языка, эти вопросы традиционно входят в экзаменационный список вопросов по дисциплине.

Подведем итоги нашего анализа.

Первая черта данного пособия – стандартная компилятивность, сжатое и примитивное изложение научных основ языкознания, хрестоматийные примеры (*бить баклуши, положить зубы на полку, задычный друг*, с. 84; *do – dedi* при объяснении сложения основ, с. 98; *ни-нака-ква* – «я мясо ем», с. 117). Автор пособия не смог найти более оригинальных примеров, а поместил те, которые уже включены в классические пособия по дисциплине.

Вторая особенность этого пособия заключается в отсутствии культурной традиции и философии отечественного языкознания и в подмене ее почти конспективным, тезисным и тематически неполным пересказом лекционного материала.

Третья черта пособия заключается в том, что в нем нет ни единого оригинального абзаца, свидетельствовавшего бы о том, что автор стремится включить высокие идеи лингвистики в русло новейших разработок отечественных и зарубежных ученых. В нем нет никаких имен, указаний на разработчиков новых перспективных направлений в лингвистике, теорий и дискуссий, которые прошли в науке за последние де-

сятилетия. Без этого невозможно приобщение студентов к актуальной методологии языкознания и реализация той конечной цели, которая всегда стояла перед настоящими учеными – просветительство. Но даже и традиционные, сложившиеся разделы языкознания, такие как фонетика, лексикология и синтаксис, трактуются с упущением коренных проблем.

Четвертая черта рецензируемой работы – отсутствие цельности и системности в изложении языковых фактов, поэтому пособие не отвечает своей главной учебной и методической цели – *формированию лингвистического лица студента* (А.А. Реформатский). После прочтения книги понять, что язык – это система, в которой все элементы взаимосвязаны, у читателя не получится. А ведь формирование системного взгляда на язык и есть задача дисциплины «Введение в языкознание».

В небольшой по объему книге есть незначительные, но досадные опечатки: на с. 90 упоминается немецкий лингвист Франц **Вопп** (правильно: Бопп), на с. 103 в одном случае неправильно указано имя знаменитого лингвиста: «А.А. Пешковский» (правильно: А.М. Пешковский).

С технической стороны рецензируемое пособие далеко от совершенства: вразнобой курсивом даются как сами примеры, так и их определения, что не принято в стандартах учебной и научной литературы, или же наоборот: латинский термин и его толкование даются не курсивом и без кавычек (с. 54 и др.); в кратких исторических экскурсах автор то указывает страницу издания, то опускает: «Выдающийся датский ученый Отто Есперсен (1860–1943) писал: “Язык есть... человеческая деятельность с целью сообщения мыслей и чувств”» (с. 11–12 анализируемого пособия), а ниже (с. 12) при цитировании Ф. де Соссюра: «...позволяющий ему объективировать эти комбинации» (Ф. де Соссюр. Труды по языкознанию. – М., 1977, с. 52); «...у Ломоносова «междуметие»... (М.И. Ломоносов «Российская грамматика»... (с. 103 рецензируемой книги). Эта небрежность наблюдается во многих местах книги (с. 62, 86, 103 и др.).

Показательно, что итоговый список литературы в пособии заимствован без изменений из Рабочей программы дисциплины «Введение в языкознание», которая составлена профессором Л.Ф. Копосовым, доцентом Ю.В. Кореневой и старшим преподавателем О.В. Ряховской для студентов факультета русской филологии МГОУ как очного, так и заочного отделений, направлений «Филология» и «Педагогическое образование»; не приведены ссылки на актуальные сетевые ресурсы, кроме курса лекций В.П. Даниленко, поисковые системы и научную периодику; «дополнительная литература» предельно кратка и не структурирована.

В требования ФГОС филолога-бакалавра по направлению 450301 «Филология» входят такие компетенции:

- способность использовать основы философских знаний для формирования мировоззренческой позиции (ОК-1);

- способность анализировать основные этапы и закономерности исторического развития филологии (ОК-2);

- способность демонстрировать представление об истории, современном состоянии и перспективах развития филологии в целом и ее конкретной (профильной) области (ОПК-1);

- способность демонстрировать знание основных положений и концепций в области общего языкознания, теории и истории основного изучаемого языка (языков), теории коммуникации (ОПК-2);

- владение навыками подготовки научных обзоров, аннотаций, составления рефератов и библиографических источников и поисковых систем (ПК-3).

По направлению 440301 «Педагогическое образование» следующие:

- способность использовать основы философских и социогуманитарных знаний для формирования научного мировоззрения (ОК-1);

- способность к коммуникации в устной и письменной формах на русском и иностранном языках для решения задач межличностного и межкультурного взаимодействия (ОК-4).

Реализация указанных компетенций в пособии Н.Н. Низаметдиновой **отсутствует**.

Итак, рецензируемое «Введение в языкознание» Н.Н. Низаметдиновой не может быть квалифицировано как учебное пособие *университетского* уровня. Дальнейшее переиздание такой работы считаем крайне нежелательным ввиду наличия профессиональной несостоятельности подготовленного текста, его очевидной компилятивности и неполного соответствия целям и задачам дисциплины «Введение в языкознание».

В библиотечном абонементе МГОУ имеются яркие, подлинно просветительские учебники разного уровня «сложности»: от нескольких изданий «Введения в языкознание» А.А. Реформатского до современных учебных пособий Т.И. Вендиной («Введение в языкознание», 2001 – имеет гриф учебного пособия), Л.И. Осиповой («Введение в языкознание», 2013 – имеет гриф учебника), Л.В. Бондарко, Л.А. Вербицкой, М.В. Гордина («Основы общей фонетики», 2004 – имеет гриф учебного пособия), в том числе учебников и разработок по теории языка профессоров МГОУ Л.Л. Нелюбина, Г.Т. Хухуни и других современных авторов, заслуживших в науке прочную репутацию ученых и уважаемых педагогов. Именно такими книгами мы и рекомендуем пользоваться студентам очного и заочного отделений.